

ева пунш

крысоlove

@любовь

Ева Пунш Крысолове

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178761

Ева Пунш. Крысолове: АСТ, Астрель-СПб; Москва, СПб; 2008

ISBN 5-17-045638-3, 978-5-9725-1411-3

Аннотация

У Евы Пунш хороший вкус – она знает толк в алкоголе, любви и литературе. В этой книге в безупречных пропорциях кровь смешивается с вином, плоть с пищей, любовь со смертью, а искусство – с самой жизнью.

Содержание

I	4
1	5
2	8
3	16
4	19
II	21
1	22
2	25
3	31
III	35
1	36
2	39
3	42
IV	47
1	48
2	50
3	52
4	55
V	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Ева Пунш

Крыsolove

I

В качестве эпиграфа:

– Что? – сказал он. – Амонтильядо? Целый бочонок? Не может быть! И еще в самый разгар карнавала!

– У меня есть сомнения, – ответил я, – и я, конечно, поступил опрометчиво, заплатив за это вино как за Амонтильядо, не посоветовавшись сперва с вами. Вас нигде нельзя было отыскать, а я боялся упустить случай.

– Амонтильядо!

– У меня сомнения.

– Амонтильядо!

– И я должен их рассеять.

– Амонтильядо!

– Вы заняты, поэтому я иду к Лукрези. Если кто может мне дать совет, то только он. Он мне скажет...

– Лукрези не отличит Амонтильядо от хереса.

Эдгар А. По. Бочонок Амонтильядо

Мое одиночество имеет аромат коньяку и густой вкус кубинских сигар.

Или наоборот, мягкий аромат дыма, а на вкус – медово-ореховая горечь. Коньяк можно подменять шотландским виски, хересным бренди, черным ромом, фиалковой нежностью арманьяка или терпкостью кашасы, прозрачностью граппы, округлостью кальвадоса – алкоголь должен быть крепким и «вкусовым». Толстые тяжелые сигары – иногда перемежаются с вишневыми или шоколадными сигариллами. Одиночество может быть обманчиво в аромате, но должно быть прямолинейно на вкус.

Все остальное – пресно или кисловато, иногда слащаво. Все, что вокруг одиночества, имеет пыльный привкус, а запаха не имеет вовсе.

Встречаясь с друзьями, я пью чистую водку и курю крепкие французские сигареты – без фильтра.

Встречаемся мы в ресторанах грузинской кухни – но даже эта горячая перечность, чесночная настойчивость и пряная жирность – все это имеет пыльный привкус.

Ужиная с мужчиной – я охлаждаю розовое вино, птицу я заливаю наршарабом, мясо – соевым соусом, фасоль – аджикой, а салат заправляю мацони с чесноком и травами – базилик, тархун, киндза, мята. Мужчина уверяет, что вкусно. Я

ему верю на слово. Наверное. Мне безвкусно. Он зажигает ароматические свечи – слишком душно и просто. Иногда мы выбираем к ужину красное вино – но последнее время даже пронзительность сира, даже тяжелая кровь африканского пинотажа – мне пресно.

Я предвкушаю тот момент, когда он уйдет, а я останусь наедине – с прозрачным бокалом и гильотинкой. Сегодня мне составляет компанию коньяк дома Одри и сигара с романтическим названием «Ромео и Джульетта». Она лежит в серебристой тубе и не знает еще, что я собираюсь отрубить ей голову.

Боль и одиночество я чувствую отчетливее, чем счастье. Раннее утро поздней весны – видится как через мутное стекло. Ну солнце, первая зелень, последние лужи. Я помню, знаю, что это должно доставлять удовольствие. Когда-то кому-то доставляло. А меня не трогает. Чтобы меня тронуло – нужно чуть ярче, чуть жестче, чуть сильнее. Больше и глубже, чем утренний гам перелетных птиц.

Пятнадцать капель коньяку – на дне подогретого бокала, отмеряю как валерьянку и долго дышу тяжелыми ароматными парами, прежде чем глотнуть. С сигарой все в точности до наоборот: я не смакую ее аромат, я полощу этим дымом рот – и только. Коньяк для носа, сигара – для языка.

Когда содержимое бутылки уменьшается на треть, а сигара – на половину, у одиночества исчезает привкус отчаяния, но появляется насыщенность.

Мне становится с ним не страшно, а даже комфортно. Приятнее, чем пить имбирное пиво с видом на закат. Ярче, чем целоваться. Интереснее, чем просыпаться вдвоем.

Мое одиночество имеет вкус и аромат. Острый вкус постоянства. Сладкий аромат верности. Мне удобно знать – что оно всегда со мной.

Сколько тебе тогда было – 20-21? Только что закончила училище, руки в боки, пускай вас двое, но мы в тельняшках, и море таким по колено и сам черт не брат, да и вообще он с такими даже не шутит.

Однажды отчаянно, бешено, резко приняла предложение прямо на палубе, куда зашла поглазеть. Не оглядываясь, шагнула с пирса – и ушла в плавание на полгода короткой петербургской навигации. Ушла на деревянном паруснике о две мачты.

Корабельные крысы пришли знакомиться с тобой, как только фрегат отдал концы. Сначала заглянула молодая поросль, то ли разведчики, то ли серые вестники. Поглядели, сделали вид, что испугались твоего глухого крика и топота – ушли, как сбежали.

Потом пришла старуха – седая огромная крысятина.

Сухо-настороженно смотрела, но не боялась, не убегала, давала понять.

Это ты тут – нонсенс, жалкое недоразумение. Баба на корабле, хоть и повариха, кок в колпаке.

А они – корабельные крысы – были всегда.

Почитай «Историю судоходства для чайников».

Ты попыталась их травить. «Трави помалу». Расставляла ловушки, капканы и прочие мышеловки и крысоловки. Мы-

ши и крысы были ловки. Ты щедро подсыпала яду, они равнодушно гадили тебе в крупу. Чувствовали себя хозяевами не только твоей каморки с плитой и припасами, но хозяевами всего корабля.

Внаглую под твоей койкой рожали новых розовопятых крысят.

Ты им объявила войну, но они ее не заметили. Это была твоя война, односторонняя битва, им было наплевать на твои военные хитрости.

Двум корабельным кошкам тоже было наплевать – и на тебя, и на крыс. Ты так и не смогла подбить это позорище кошачьего рода на создание коалиции. Кошки держали строгий нейтралитет. Днем грелись на палубе, ночью спали в гамаке, куда не забирались крысы. Кася и Мотя делали вид, что никаких ночных гостей не существует.

Важные жирные матроны – дневные красавицы. Им наплевать было, что творится в их владениях по ночам.

Сами и поплатились – сожрав отравленную приманку из крысиной ловушки. Сдохли обе.

Команда была сильно расстроена, пользоваться ядами тебе запретили, разрешив только «механическими приманками и ловушками», и вообще, твой ажиотаж и борьба одобрения не вызвали – все твои действия классифицировали исключительно как «крысиную возню» и бабью блажь.

– Ты их боишься, что ли?! Пни шваброй и все дела.

Боялась ты их отчаянно, что уж греха таить, но даже больше крыс тебя пугало равнодушие к ним – со стороны окружающих.

Казалось бы, крысы – дурной тон, мрачное средневековье, болезненный пережиток. Однако оказывалось, что и сейчас они имеют место быть повсеместно. Это не тавтология и не каламбур. Их повсеместность ты вполне оценила, вернувшись из рейса и поселившись в квартире на окраине Васильевского Острова.

Эти дома на Мичманской улице строили на намыве, закидав километр Финского залива песком и камнями. Раньше на этом месте – на самом берегу годами копилась, тухла, росла и полнилась городская свалка. Это было крысиное царство. Потом это стало крысиным кладбищем, крысы шли умирать на бывшее побережье, десятками, сотнями.

Ты жила в мансардном этаже и благодарила бога за то, что крысы не поднимаются так высоко. Но вечерними сумерками ты видела их из окна – они шли, шли и шли – десятками и сотнями, ежедневно. Крыс ты боялась и ненавидела отчаянно.

Но именно тогда – на том корабле в твое первое плавание – у тебя и появился единственный друг, помощник и соратник в твоей безнадежной войне – «крысиной возне».

В этом южном порту стоянка была вынужденной, фрегат требовал мелкого ремонта или кто-то куда-то не выдал нужный пропуск, – ты уже и не помнишь. Помнишь, что у тебя

были единственные четыре дня отпуска за то плавание. Выходные. Команда благородно обещала столоваться в городе днем и по вечерам, а завтракать – сухим пайком, и ты уходила ранним утром вместе со всеми, но тут же отбивалась от коллектива и часами наматывала круги по незнакомому дивному, странному, такому чужому южному городу.

Кадис. В его архитектуре переплетались мавританская вычурность с британской сдержанностью. Южное солнце целилось в глаз и сбивало с ног.

Тебе хотелось прохлады, тишины, темноты и устойчивой почвы под ногами. Не корабельной палубы. И на второй день ты отправилась на экскурсию в самый знаменитый городок этой провинции – Херес.

Полное имя – Херес-де-ла-Фронтера. Столица хересных погребов.

Но тишину и прохладу в этом маленьком городке тебе удалось найти не сразу.

Наоборот, попала в самую гущу праздника. Фиеста гудела и гремела всеми музыкальными инструментами сразу. По старинной брусчатке щелкали деревянные каблуки в такт кастаньетам, кружились пестрые яркие юбки, а у тебя кружилась голова. Гордость городка – ароматный янтарный херес – хлестал из дубовых бочонков щедрым потоком прямо на мостовую.

По центральной улице двигалась вереница повозок, запряженных лошадьми. И лошади, и повозки были украшены

цветами. Казалось, все жители города облачились в маскарадные костюмы и вышли на праздник. Хохот и веселье, с повозок в толпу летели конфеты и прочие сласти.

Ты замерла в недоумении.

Ощущение, словно ты попала на какую-то средневековую ярмарку или карнавал. Однако часы твои показывали начало сентября, до карнавала еще далеко. А потом ты перестала недоумевать и сама ринулась в гущу праздника.

Белозубо хохотала, сверкала обнаженными плечами, стянув с них тельняшку, пила из деревянного кубка крепкий сладкий напиток, разрешала украшать себя цветами, виноградом и серпантинами, чувствуя себя новогодней елкой или даже пасхальной пальмой.

Какая-то древняя старуха протянула тебе красный платок, и ты повязала его на бедра, поверх обтрепанных серых бриджей. Когда на голову тебе водрузили корону, а саму тебя подхватили крепкие руки и поставили на переднюю повозку, – ты и это восприняла как должное, не очень-то отдавая уже отчет в происходящем.

Солнце пекло, время текло, херес лился тугой струей. Ты фонтанировала и плясала, пела на чужом языке, всецело отдаваясь атмосфере фиесты.

О том, что именно тебя выбрали королевой праздника, уже ночью поведал тебе седой старик. И о том, что это был фестиваль хереса, накануне сбора урожая – ты тоже узнала

от него. Праздник для тебя кончился внезапно. Южное солнце не пощадило тебя, а херес усугубил действие солнечного удара.

Ты пела, плясала и пила большими жадными глотками – все одновременно, не забывая раздавать лучезарные улыбки и воздушные поцелуи всем вокруг. И вдруг в глазах у тебя потемнело, в ушах зазвенело, и ты потеряла сознание.

В себя пришла глухой ночью – в каменном погребе, под опекой незнакомого старика. Как вы нашли общий язык, на каком языке вы вообще тогда разговаривали – ты и не задумывалась. Старик пошутил, что вы разговариваете на языке хереса, а он не имеет границ. Ты кивнула, сделала еще глоток – это было другое вино, не то, что щедро наливали на центральной площади. Этот был прохладный, терпкий и совсем не сладкий напиток, только в послевкусии он вдруг начинал делиться медом, лесными орехами и белыми цветами.

Старик устроил тебе ночную экскурсию по своим погребам, показывал тебе пирамиду из дубовых и сосновых бочек – «*solera & criadera*». Объяснял, что тут старые вина смешивают с молодыми, чтобы получить уникальный напиток. Дерзость юных и опыт старцев.

– Знаешь, как это называется?

– Воспитание молодых, – ты и сама удивлялась, откуда тебе это известно.

– Правильно. Обычный херес не делается по годам, как

другие вина. Молодые отдают легкость и свежесть, старые вина – сложность и плотность, все это переплетается, смешивается и превращается. Но есть особые вина.

Ты кивнула на свой крохотный тюльпановидный бокал, который старик вручил тебе, как только ты очнулась:

– Это особое?

– Правильно, – опять согласился он. – Это вино только из старых, ему двадцать лет.

– Как и мне, – обрадовалась ты.

– Да, их цветок расцвел в год, когда ты родилась. Для тебя это была молодость, а для вина уже старость. Вот удивительно!

В прохладном подземелье старинного подвала херес уже не был столь коварен, как на улице под палящими лучами, с каждым глотком – ты чувствовала, что оживаешь и сама превращаешься во что-то новое, смешивая свою молодую кровь со старым вином.

На рассвете старик пошел тебя проводить до автобуса, идущего в Кадис, в порт. Перед самым выходом из погреба вдруг спросил:

– Скажи, чего ты боишься больше всего?

– Крыс, – ответила ты, даже не задумавшись.

Он кивнул важно – «так я и думал», – вышел за дверь, ведущую во внутренний двор, свистнул тихонько, а через минуту вернулся с маленьким белым пушистым комком.

Ты сначала вообще подумала, что это комок ваты, но не

успела удивиться столь странному подарку, как старик вручил тебе его – и этот «комоч ваты» вдруг превратился в живого щенка, который тут же лизнул тебя в нос.

– Ratonero Bodeguero Andaluz,– сказал старик, и ты поняла, что это не кличка, это даже не порода, это происхождение и предназначение маленького беленького щенка.

Трактирный крысолов из Андалузии. Твой маленький Андалузский пес.

Андалузия – край, название которому подарили вандалы, отправляясь в Африку – они оставили свое имя последней остановке на европейском материке. Древняя земля и древние виноградники. Вино стало кровью этой провинции за несколько тысячелетий до рождения Христа. А много веков спустя этот край захватили мавры, и тысячи, сотни тысяч акров драгоценных виноградников были загублены. Коран порицает винопитие. Однако мусульмане внесли и свой вклад в изготовление будущего хереса, помимо запрета на вино – они привезли в Андалузию перегонный аппарат, секрет которого был получен ими у китайцев. Китайцы использовали дистиллят для изготовления целебных снадобий, арабы – изменили путем перегонки суть парфюмерной индустрии, но только европейцы придумали пить «огненную воду» и добавлять ее в вино. Вино получило новый жизненный срок, а завоеватели – новый соблазн: про крепкий алкоголь Коран умалчивал, а значит, и не налагал запрета. Борьба с соблазнами породила целую цепочку интриг. Так, халифа Ахакена II жители Хереса убедили сохранить виноградники, аргументируя свою просьбу тем, что без винограда не получить изюма – лакомства, вполне допустимого для мусульман. На стыке этих противоречий – между изюмом и дистиллятом – и был рожден тот современный вариант хереса, тех-

нология производства которого практически не претерпела изменения за столько веков.

История умалчивает – кто из виноделов первый рискнул оставить на поверхности вина мохнатую плесень (или поленился убрать), но именно благодаря ей мир получил Херес, напиток удивительной тонкости и аромата. Сначала херес бродит в открытых дубовых бочках, этот период носит имя «собретабла» (контакт с деревом), тогда-то и происходит главное таинство – в бочке расцветает белая плесень – «флор» (цветок), чем толще слой плесени – тем тоньше будет херес. «Флор» образует плотную пленку, которая, высыхая, превращается в корку. По мере созревания вина – «цветок» стареет и опускается на дно. Такие бочки с умершим цветком – сами по себе представляют большую ценность, они используются в производстве элитных сортов виски и рома, отдавая им выдержанные ароматы. Сочетание ореховой горечи, медовой сладости, цветочной легкости – суть и тайна этой испанской амброзии. Херес прославил Андалузию на весь свет, и в средние века там не только была запрещена вырубка винограда, но также под запретом оказалось пчеловодство: херес был слаще меда и во сто крат драгоценнее. Установка пчелиных ульев в непосредственной близости от виноградных лоз каралась смертной казнью, ведь пчелы могли повредить тонкую кожицу ягод.

Андалузцы веками сохраняли секрет «хересной плесени», которая ценилась настолько высоко, что при лондонском

дворе бочонки этого вина были расчетной единицей, наравне с голландскими луковицами тюльпанов, ценность которых на вес превышала золото. Кто только не пытался украсть тайну цветущей плесени, даже знаменитый пират Фрэнсис Дрейк однажды ограбил Херес на три тысячи бочонков, но заполучить оригинальный рецепт не удавалось никому.

Только в XVIII веке гордые испанцы впервые решились открыться и преподнести саму плесень в подарок иноземцу, но тот пришел в бешенство – на его родине и так было достаточно всякой плесени, чтобы еще везти заморскую. История стерла со своих страниц имя этого недалёковидного российского дипломата.

Все это ты узнала о хересе гораздо позже – дома, в Питере, собирая по крупицам материал в Интернете и посещая дегустационные мероприятия.

А в то утро, когда ты уезжала, Андалузия подарила тебе еще одно незабываемое зрелище. Фиеста продолжалась. Второй день – бой быков и мотоциклетные гонки. Из-за мотоциклетных гонок – шоссе встало, ты вышла из автобуса прогуляться, не успев даже выехать из города, и опять толпа повлекла тебя навстречу празднику. Быки были хороши. Черные, крепкие, приземистые, даже издалека в них чувствовалась непримиримая сила. Для них этот бой не был игрой, а уж тем более не был праздником. И ты испугалась. Испугалась не за себя, а за крохотный белый комоч у тебя в руках. С такой ношей ты не могла уже позволить себе вчерашнего безрассудства. Щенок был совсем крошкой, у него не было даже имени. Ты так и звала его Крошкой – до его первой крысы, но увидев, как это трогательное нежное создание превращается в безжалостного охотника, ты восхитилась его способностям к метаморфозам и расширила его имя до Крошки Цахеса, тот тоже ловко умел превращаться. Крошка Цахес Мценского уезда.

А в тот день, во второй день хересного фестиваля, ты все-таки вернулась на фрегат – опоздав и на завтрак, и на обед,

и на ужин, и Мастер орал на тебя самыми распоследними словами. В качестве извинений ты молча и неловко сунула ему бутылку старинного хереса – и ушла к себе, а ночью он вдруг постучался в твою дверь.

Ты тогда не знала еще, что любой мужчина, принявший напиток из твоих рук – обязательно постучится ночью в твою дверь.

II

В качестве эпиграфа:

Наконец, заяц весь побелеет, как первый снег. Издалека мелькает и сквозит на почерневшей земле какая-то неопределенная белизна: в лесу, в чаще кустов, в полях и даже в степи, где иногда ложатся беляки,— и, по какому-то тоже неопределенному чутью, издалека узнает привычный зоркий глаз охотника, что эта белизна — заяц, хотя бывают иногда и самые смешные ошибки.

Сергей Аксаков

– Их Санта-Клаус всегда трезвый и с оленем, а наш пьяный и со Снегуркой.

– Ну да, вот как приличный православный святой вдруг превратился в совершенно неприличного американского старичка в китайском исполнении – это большая тайна.

– Почему в китайском?

– Ну такой – кивающий болванчик в витринах магазинов посреди зимы, с пухлыми щечками, в пустых очках, полосатых гетрах и с колокольчиком, стоит – и кивает, и крутится.

– Да, как подумаешь, что ему еще и церкви строят.

– Это ничего! Скоро они и для Барби будут не только домики строить, но и церкви, скажут – Святая Варвара.

– Ага. Великомученица Любопытная Варвара, которой на базаре – нос оторвали.

– Нос оторвали, да нет, отрезали – Святому Трифону, его так и зовут – Трифон Зарезан, очень почитаемый в Болгарии Святой, всех вином поит.

– Так вот, возвращаясь к Санта-Клаусу. Я как-то решил на чужбине – нашу церковь навестить, в путеводителе она значилась как Santa Claus Miracle Worker, я с трудом допер, что это, оказывается, мой святой и есть – Николай Чудотворец.

– И с оленем!

– Что с оленем?

– Вот я думаю, мужики, интересно, оленям тоже церкви ставят?

– Ага, святая церковь крупного рогатого скота.

– Олень разве скот?

– Это смотря какой олень. Северный – мелкий, корявый – точно скот. Пятнистый благородный – это скорее дичь.

– Нда, вариантов маловато, как у теток прямо – или в скот, или в дичь.

– Интересно, есть ли у них дискриминация по признаку «дичь или скот». Например, бары только для скота?

– Ты что! Оленям вход в бары и кинотеатры только в сопровождении Санта-Клауса.

– И он там – того – Миракль Уоркер?

– Ага, крутой Уокер.

– Лось!

– Лось – это черная дичь, а олень – красная.

– Это твой святой, Колян, как пить дать! И дружное ржание в три глотки.

...

«Пить дать»... Слушать этот бесконечный бессмысленный пьяный треп было невозможно. Виктор готов был взвыть еще в первую же ночь, а сейчас пошли третьи сутки. Они сидели вчетвером эти третьи сутки в маленькой охотничьей избушке и ждали снега. Несмотря на начало декабря, на дворе царил чернотоп.

– По чернотопу хорошо выходить на зайца.

– Это да. Самая добычливая охота на беляков – по чернотопу, когда они уже выцветут, побелеют и сделаются видны издалека. Спрятаться им, гадам, негде.

Для зайца Виктор тоже ожидал снега, но и сейчас выходил один, когда остальная компания заваливалась спать после очередной дозы крепкого алкоголя. Зайцы – это была его главная, настоящая страсть. Как гусь для Паниковского, так и заяц – для Виктора. Схождение малика, сложная путаница жировок, различие возбужденных следов русака и беляка, скидки, сметки и «двойки» – для Виктора это все было открытой книгой, написанной на знакомом с детства языке, которую он с любовью и трепетом читал и перечитывал на каждое первозимье.

Зачем он вписался в эту лосиную авантюру – и сам не понимал. Просто давно не был на охоте – вот на такой длинной, затяжной, коллективной.

Коллективная охота еще называется групповой. Да, что-то вроде группового секса, все шумят, все кричат, суется, чьи-то конкретные неудачи, осечки – не столь заметны при групповухе, и победы – как бы общие. Удовольствие скорее от суеты, да еще и от возможности хвастовства, выхода на публику.

Один давний приятель Виктора держал в Питере магазинчик товаров для конного спорта под названием «Фиолетовая лошадь». Этот приятель – Юрий – большую часть времени проводил в Англии, где неоднократно принимал участие в

соревнованиях по конному троеборью и брал призы. У него было две любви – лошади и Англия, и он был счастлив, когда они воплотились в одну жизнь. Юрий часами мог петь гимны британским конюшням, конюхам, пастбищам, снаряжению, кормам.

Лошади, охотничьи собаки, коллекционные ружья, вечер у камина, над которым висит чучело оскаленной кабаньей башки, подогретый широкий бокал винтажного портвейна – вот он, английский стиль.

Рассказывал Юрий и про старинную британскую забаву – охоту на лис:

– Там, понимаешь, не главное – вот это – выследить, поймать, обезвредить, там важно – какая у тебя лошадь, какая у нее сбруя, родословная твоих собак, и сколько лет выдерживалось в дубе то виски, которое плещется в твоей фляге.

Они выезжают на эту охоту – веселой кавалькадой, половина – пьяные в стельку еще с порога, куда там «национальным особенностям русской охоты», ты вот на охоте курить запрещаешь и громко разговаривать у тебя – не смей! – а они чуть ли не с гармошкой песни поют. Едут на пикник – термос, фляги, бутерброды. Ружья на этой охоте и не нужны – но все равно ведь с собой тащат, где же еще им ружьями похвастаться – при таком скоплении народу. У них это даже не спорт, а просто отдых, клубная тусовка, только на природе. На лису, в принципе, наплевать, если встретится – собаки, конечно, в ключья порвут, но вообще, даже в самом Лондоне

— эти лисы на помойках роются, их проще там отстреливать... Но в этом же никакого благородства, ага! Когда парламент объявил о запрете этой забавы, о, какие скандалы были! А как же, это ведь такие табуны лошадей, такие стаи собак — и все «без работы останутся». Лошади, конечно, не протестовали, но их хозяева... Эх, демонстрации и митинги протеста. Чуть ли не в парламент дохлых лошадей подкидывали...

Больше всего Виктор терпеть не мог вот такие забавы — облавные охоты. Согласился пойти на лося «с подхода» в знакомое хозяйство — окладчиком, то есть, современным языком говоря, распорядителем охоты. В команде их было четверо, больше и не имело смысла, потому что с загонщиками Виктор не пошел бы точно. А тут согласился скорее из принципа, чтобы самому отвечать, чтобы иметь возможность проследить и удостовериться — все по правилам. Виктору нравилось, когда все было по правилам и когда правила понятны и просты, при этом он терпеть не мог лишней бюрократии, заполнения вороха различных бумаг и прочей ерунды. Поэтому и ушел когда-то со своей любимой работы в милиции, как только появилась возможность создать собственное детективное агентство — и заниматься тем же делом, но без нудных отчетов и формуляров. Для таковых он нанял секретаря, а все свое время посвящал слежке и прочим расследованиям. Виктор был прирожденной ищейкой. «Взять след!» — для него звучало как для пионера «Будь го-

тов!». Он понимал, что и в милицию-то он попал благодаря своей страсти к охоте. Профессиональных охотников не бывает, а егерем он становиться не хотел. Дед у него егерем был, Виктор нагляделся с малолетства. Ни о какой благородной борьбе с браконьерами и речь не шла, скорее – охотничья прислуга при сильных мира сего.

Виктор любил и умел – читать следы, слышать, смотреть, нюхать, чувствовать – и главное, – ждать, ждать, ждать. Никогда не относился к охоте как к спорту. Для спорта у Виктора был тир, старый ментовский тир на Аптекарском, куда он каждую неделю ходил тренироваться. А охота – это искусство. Искусство, где главное – не упорство и меткость, а чутье и терпение.

Для лося ждали пороши. Лось был старый. Отстрел его был плановый. Виктору один раз удалось случайно его разглядеть в бинокль, но на выстрел такой матерый бык его не подпустил, ушел. По бесснежному лесу его было не выследить. Огромный бычина весом больше полутонны, с уже обломанными местами уродливыми рогами, умел уходить быстро, но аккуратно – веток не ломал, по земле не следил. Местные говорили, что пытались выманить его в ранний гон, но старик на вабу не клюнул, то ли был уже слишком стар, то ли достаточно умен. Старики агрессивны, отгоняют созревших производителей от коров, надломанные рога ранят иногда опаснее. Обычно старые быки начинают гон недель-дру-

гой раньше молодых самцов, тогда-то их и приманивают на «стон».

Этот не пришел.

Ждали зимы. Зима началась.

Теперь ждали снега.

В узерк Виктору на зайцев не сильно везло, точнее говоря, не везло вовсе. Выходил он один, без спутников, без собак.

В такую погоду побелевшего зайца должно быть видно издалека. И потому подойти к нему можно достаточно близко. На голой черной земле заяц лежит крепко, чувствуя, что ему, побелевшему, спрятаться будет негде, потому и бежать – бессмысленно. Всего-то и требуется – подойти к зайцу на расстояние выстрела, прицелиться да нажать на спусковой крючок. Вот и вся охота.

И зайцы тут есть, Виктор знал это точно, поля и леса в этой области были им исхожены. Не первый год замужем, как говорится. Но зайца не было, хоть плачь. Иногда казалось – вот оно, белое пятно, подходи осторожно, и!.. И ты идешь медленно, тщательно прикидывая расстояние, понимая, что на дальность тут стрелять нельзя, собаки с тобой нет, подходить надо точно, но уже подходя – видишь, что не заяц это вовсе, а чья-то крупная обглоданная кость или вовсе – березовая колода. От обиды на собственные, такие глупые ошибки Виктора спасало то, что пустых выстрелов по березовым пням и колодам он все-таки не делал. Тогда-то он и стал вни-

мательно разглядывать каждое пятно в бинокль, прежде чем выбрать цель. Благодаря чему смог увидеть и старого лося, который показался секундой на опушке и снова скрылся.

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе.
Зимы ждала, ждала природа...

Виктор бубнил себе под нос Пушкина – лишь бы не слышать пьяный гон своих сотоварищей. «Красивое и многозначительное слово все-таки – гон» – усмехнулся Виктор, отметив, что охотничий треп с обсуждения рогатого скота плавно перетек на женскую тематику. Сегодня была его очередь кашеварить, и он с удовольствием принялся за приготовление обеда. Перловая крупа была замочена с вечера, а утром, щедро сдобренная топленным маслом, отправлена в чугунок в печку. Печка была горяча с ночи, днем они не топили, готовили перед избушкой на костре. Каша бухтела и пыхла, осталось разогреть тушеное мясо, добавить луку и специй – вот обед и готов.

На охоте пили водку – белую, «охотничью», «зверобой» и «зубровку». «Зубровка» у Сергея была домашнего изготовления, многолетней выдержки – тягучая, темная, пахучая. Даже эстет Макс, пытавшийся первый день держаться особняком и чинно попивать собственный зерновой вис-

ки Cameron Brig, надменно предлагавший остальным – угощаться, на второй день – надменность утратил – потянул в сторону застолья носом и сам попросил у Сергея «дать продегустировать стопочку». «Зубровка» была знатная, она сбивала с ног, оставляя при этом сознание незамутненным. Мысли были ясны и прямолинейны, а тело вдруг переставало слушаться, становилось ватным. После распития «на троих» за обедом, приготовленным Виктором (который на охоте не пил, не курил и другим не советовал), мужики ржали как кони, когда один из них делал попытку встать из-за стола и выйти за дверь. Маленькая избушка, в которую и невысокий-то человек входил, складываясь пополам, после порции «зубровки» – казалась вообще кукольным домиком, да при этом еще и раскачивалась немилосердно, будто не на земле стоял крепкий сруб, а на сказочных куриных ногах.

После обеда пошел долгожданный снег – и пошел он крупно, широко, щедро, будто отдавая долг за своей опоздание. Лес оказался облеплен свежим снегом в считанные минуты, таять тот и не думал. Виктор, вернувшись из леса, где любовался этой белоснежной сказкой, серьезно сказал мужикам:

– С выпивкой на сегодня завязываем! Завтра пойдем.

Мужики заворчали недовольно, но тихо, будто они были пионерами, а Виктор их вожатым. Но алкоголь послушно со стола убрали.

Снег шел и шел до самой темноты. Колян зажег фонарь,

подвешенный к низкой потолочной балке, и предложил расписать «пулю». Сергей с Максом шумно обрадовались и стали звать Виктора – четвертым. Виктор почему-то согласился, опять-таки по причине того, что сидя с ними за одним столом, коротая вечерок – проще будет проследить, чтобы «зубровка» или даже Cameron Brig не вернулись обратно к этому столу.

Игра сначала шла вяло, и разговор тоже не вязался. Первые три круга – просто крутили распасы, и Виктор все три круга сидел на прикупе. Прикуп он честно не смотрел, и когда Колян предложил ему «падать впополаме» – решил глянуть. Три масти были чистые и короткие – семь, восемь; семь, восемь; и семь, восемь, девять. А вот на первых без прикупа можно было подсесть – семь, девять, дама. Колян очень хотел упасть, Виктор кивнул – и выкинул прикуп – валет и король пик.

– Две пики – не одна пика!

Колян непонятно чему обрадовался. Записали. Его рука была первой. Виктор даже снос смотреть не стал, все было чистенько. Потянулся и встал из-за стола – выйти еще глянуть на снег. И тут грянул гром. Колян зашел на мизере в пику – семеркой. Гром был что надо, но паровоз все же не загудел, всего две взятки. На семерку ушел туз и десятка. Потом у Коляна отъели его чистые малки, а под оставшуюся пику – зашли в восьмерку.

Виктор потом много раз возвращался в памяти к этому

моменту и все не мог понять, почему, почему же Колян снес прикуп, зачем он оставил именно даму. То, что он вообще в пику зашел – Виктор даже и понять не пытался. Гору они вдвоем с Коляном открыли, как и договаривались – «впополам».

А наутро Коляна застрелили.

III

В качестве эпиграфа:

Что может быть отвратительнее музыки! Я никак не могу понять, почему люди, которые жрут блины, не говорят, что они занимаются искусством, а люди, которые жрут музыку, говорят это. Почему вкусовые «вулдырчики» на языке менее возвышенны, чем барабанные перепонки? Физиология и физиология. Меня никто не убедит, что в гениальной симфонии больше содержания, чем в гениальном салате.

Если мы ставим памятник Моцарту, мы обязаны поставить памятник и господину Оливье. Чарка водки и воинственный марш в равной мере пробуждают мужество, а рюмочка ликера и мелодия негритянского танца – сладострастие.

Эту простую истину давно усвоили капралы и кабатчики.

Анатолий Мариенгоф. Циники

Ася знала, что такое голод. Она знала, что такое голод – не понаслышке. Знала, что такое голод, и не знала, что такое любовь. Но Ася смутно догадывалась, что природа этих явлений – любви и голода – одинакова. И причина ее знаний и незнаний тоже – одинакова.

Ася была детдомовской.

Потом она стала взрослой, и ей было странно и даже страшно слышать, когда такие же дети, как и она, воспитанники детских домов – жаловались на то, что в их детстве не хватало игрушек, или красивой одежды, или одиночества, отдельного пространства, каких-то своих личных вещей, типа персонального компьютера или собственных лыж.

Асе не хватало только еды и любви, об остальном она и не задумывалась.

В детстве еда занимала все ее мысли, она придумывала собственные философские построения, религию, науку, искусство – целый мир, где главной ценностью была еда. Слегка презрительно относилась к тем, кто не понимал этой великой ценности. Это были люди, у которых отсутствовал вкус. Буквально. Они сами казались Асе безвкусными, потому что были лишены возможности – приобщения к таинству. Такие люди были будто слепые или глухие, они были лишены од-

ного органа чувств, для Аси – самого главного. Некоторые из этих «безвкусных» – не были равнодушны к еде, но они действительно не понимали вкуса. Им было все равно – что вкушать. Много, горячей еды – жрать. Ася даже плакала от отчаянности, когда жизнь сталкивала ее с такими лишениями. Она пыталась им объяснить, что «вся еда – вкусная». Что просто надо научиться ее чувствовать, пробовать, понимать.

Она даже пшеничную кашу, самую обычную, пустую на воде пшеничную кашу – не ела, а вкушала, представляя, какие добавки, специи, сиропы – могли бы уточнить ее вкус, а какие – расширить гамму, не нарушая общей гармонии. Еду очень легко было испортить, Ася это знала. Если наплевать на нее. Не хотелось задумываться – в буквальном ли смысле плевали на еду их детдомовские поварихи или только в переносном. Возможно, просто воровали. Еды всегда было мало, очень мало, и довольно часто ее подавали в совершенно несъедобном варианте.

Но Ася как-то с детства понимала, что не еда в этом виновата, не сам изначальный продукт. Еда вся-вся-вся была вкусная и прекрасная. Еда была не от поварих, а от бога. «Хлеб наш на сей день». Хорошо бы напрямую. Посредники в виде директора детского дома и поварих – все портили.

Когда Ася впервые прочла Евангелие, ее ужасно возмутила притча с участием сестер Лазаря. Мария и Марфа. Марфа стала для Аси главной святой. Марфа кормила бога, Марфа знала – в чем смысл и в чем таинство.

Асе хотелось миссионерствовать, ей хотелось до всех до-
нести – как это важно, нужно, священно. Еда.

В четырнадцать лет, выйдя из детдома – она прямиком
отправилась в кулинарное училище.

Нет, ее там ничему не научили.

«Сливочное масло не является кулинарным жиром. Это
ароматическая добавка, которая может быть использована в
мизерных количествах. Баловство для домашних рецептов,
везде читайте – вместо масла – маргарин».

Маргарин не был едой. Он был обманкой. Выпускники ку-
линарного училища выходили на практику, вооруженные до
зубов – подобными уловками и обманками.

Ася чуть не завалила практическую часть экзамена по спецтехнологиям, когда не смогла съесть – то, что они готовили всей группой под зорким взглядом преподавателя. Преподавателя этого предмета, а точнее преподавательницу, звали Тамара Ивановна. Она не хуже Аси знала, что такое голод, она родилась в блокадном Ленинграде – в самом начале блокады.

Но трепета по отношению к еде не испытывала. Ее девиз был: «Все полезно, что в рот полезло». Дело было не во вкусе, а в насыщении необходимым количеством калорий. Для работников тракторных бригад требуется определенное количество калорий, для работников искусства – совсем другое. Она орала и топала ногами на Асю, когда та попыталась слить воду – после варки макарон.

– У макаронного отвара, деточка моя, очень высокая энергетическая ценность, на основе этого отвара ты должна была сделать соус для бефстроганова! Чему я тебя два года учила!!!

После этого Ася и не смогла есть – то, что они сами наготовили всем курсом. Печеночный паштет – мальчишки его месили, не надев перчаток, голыми руками – мяли и лепили из него рыбину. Печенка в форме рыбы, а рыба и вовсе бесформенна – под маринадом. Судак был замороженный, и ко-

гда он начал оттаивать, то поделился сомнительным запахом, но Тамара Ивановна сбрызнула пахнущую рыбку столовым уксусом – и сказала: «Сойдет!» Борщ, бульон для которого был сварен на «окорочках Буша», желтый-жирный-тяжелый-непрозрачный. Салат-оливье с «любительской» колбасой – эти жиринки в колбасе все время напоминали Асе «приключения Шурика», где он запихивал в вареную колбасу снотворные таблетки, чтобы отравить собаку. Единственное, что Ася готова была съесть, – это был бефстроганов, за его приготовление отвечала она сама, и мясо для него выбирала она сама. Студенты должны были закупать продукты для экзамена за свой счет, распределили – кому что, и начали хитрить – экономить сами на себе. Ася не поскупилась – бухнула всю стипендию на кусок свежей, незамороженной говядины, это была вырезка, которую можно было обжарить, припудрить мукой, добавить пассерованного до карамельного хруста репчатого лука и бульона (а лучше просто горячей воды – решила Ася, посмотрев на бульон из окорочков), и бефстроганов был бы готов. Но Тамара Ивановна – отняла у нее воду из-под макарон – и щедро плеснула в сотейник с мясом, а потом еще велела тушить – сорок пять минут. Она не верила в то, что мясо бывает незамороженное и может тушиться десять минут до мягкости, оставаясь при этом сочным. Преподавательница наверняка пристукнула бы Асю половником или скалкой, узнав, что на «бефстроганов массовый» – та извела драгоценную вырезку, ну или бы просто

не поверила. Про вырезку Тамара Ивановна на лекциях говорила с придыханием: «Высокая кухня по пятому разряду, вам вряд ли удастся иметь дело с таким продуктом».

Ася наивно спросила:

– Почему?

– Потому что, деточка моя, в массовой кухне такого продукта нету.

– А если не в массовой?

– Ты думаешь, в «Асторию» после нашего ПТУ пойдешь работать? Как бы не так, в «Асторию» ты, может, и пойдешь, но с другого хода, сама понимаешь, а таких поваров – ждут столовые при заводах да тракторные бригады.

Тамара Ивановна накаркала. Летнюю практику перед выпуском Ася отрабатывала как раз при тракторной бригаде. Готовить так, чтобы эту еду было не страшно есть, было возможно только в те дни, когда была Асина смена. Выяснилось, что у ее сменщицы Зои взгляды на общепит мало чем отличаются от Тамары Ивановны: «Все полезно, что в рот полезло».

– Пассерованная мука придает супу невидимую густоту, – бубнила Зоя, насыпая эту муку из пыльного мешка горстями в суп.

В «Асторию» Ася, конечно, работать не пошла – ни с того, ни с другого хода, но ей хватило стажировки в ресторане при другой, не менее уважаемой гостинице. Там она поняла, что никогда-никогда не сумеет работать в команде. Кухня – это капище для одной жрицы. Капище или алтарь? Ася на всякий случай посмотрела в словаре значение слова «капище», Даль ей сообщил: «идолище, жрище, поганище, кумирня, бурханище» – прекрасный синонимический ряд. Поганище пусть останется – заводским столовым и прочим ПОП (голосом Тамары Ивановны: «запишите – ПэОПэ, предприятие общественного питания»). Ася решила стать жрицей жрища.

Заводские (школьные, больничные и прочие) столовые – ее не устраивали, впрочем, тракторные бригады – тоже. Кафе и рестораны Ася отсекала, хватило практики. Нет, в кафе никто не плевал в суп и не валял котлеты по полу, но все должно было выполняться точно по инструкции: ингредиенты, граммы, минуты. Ни один повар не имел права заменить паприку на кайенский перец, или тмин на кориандр, или черные маслины на зеленые оливки. Добавить чуть больше сливок или чуть меньше майонеза. Первое, чему научили Асю в ресторане, – это делать одинаковые отбивные. Одинаковые не по внешнему облику, а по граммам. Вырезка разморажи-

валась, зачищалась от пленок и нарезалась кусками по 150 граммов, погрешность допускалась в 3–4 грамма (но никак не больше 5). Если Ася отсекала кусок большим весом, его следовало уменьшить, обрезки не выкидывались, они «вбивались» в тот кусок, который не дотягивал до нужного количества граммов. Больше всего ее поразили конечный этап работы – когда обрезков накапливалось достаточно по весу – они все вместе «сбивались» в одну отбивную, тройная панировка (мука, льезон, сухари) – ап! – никто и не догадается, что у него на тарелке не цельный кусок мяса.

Каждое блюдо готовилось согласно технологическим карточкам. Технологические карточки составлялись шеф-поваром. Для того чтобы стать шефом – надо было отработать в общепите несколько лет. Но парадокс заключался в том, что шеф-повар фактически переставал готовить, вступив в должность. Он разрабатывал меню, составлял эти самые карточки – и контролировал работу кухни.

Если в меню значилось: «блюдо от шеф-повара» – это вообще не значило, что у плиты стоял сам шеф, это значило лишь оригинальную технологию, сочиненную им единолично.

С тех пор Асе стали ужасно смешны рекламы-зазывалы при ресторанах на Невском: «бизнес-ланчи от шеф-повара», ха-ха-ха! Буа-ха-ха...

Раз шеф-повар практически не готовит – Ася решила, что нет смысла становиться шефом: «Пять лет делать отбивные из обрезков, чтобы потом самой сочинять рецепты – слиш-

ком дорогая плата».

Ася тыкалась всюду, искала свое место в мире большой еды, и главным ее условием было, чтобы между ней, богом, едой и клиентом – было бы как можно меньше посредников. Посредникам она не доверяла.

Ася ездила в качестве повара в геологические и прочие экспедиции. В тайге, в тундре, в горах и на море – в общем, вдалеке от цивилизации – еда приобретала огромное значение. Сотрудники затяжных экспедиций высоко ценили качественную кухню, и никто не требовал, чтобы Ася из экономии заменяла сливочное масло маргарином.

Потом, когда Ася обзавелась семьей и отдельным жильем – она стала отказываться от поездок и искать себе работу в городе. Она соглашалась устраивать частные обеды («только я сразу предупреждаю – я не посудомойка и не буфетчица, я могу составить меню, согласовать его с вами, закупить продукты, все приготовить – и уйти, остальное – не моя работа»), банкеты, юбилеи, вечеринки, детские праздники.

Частные клиенты Асю обожали, передавали ее из рук в руки, писали друг другу рекомендательные e-мейлы, и даже иногда ссорились – на тему первенства, когда чьи-то праздники-обеды совпадали.

Помощников у Аси не было, хотя она иногда подумывала нанять постоянного водителя для закупки продуктов – это было бы удобнее и наверное даже дешевле, чем каждый раз

пользоваться такси, но пока она с этим решением не торопилась.

В клиентах у нее была и маленькая частная гостиница – на три номера. По заявке с вечера – Ася приезжала в гостиницу к 7 утра и кормила постояльцев завтраками. Завтраки – это было самое любимое. День начинается не тогда, когда человек проснулся, умылся, выкурил первую сигарету. А когда он завтракает. С завтраков начинается новая жизнь. На завтрак Ася предлагала – свежесжатые соки, овсянку, яйца различных способов приготовления и горячую выпечку – плюшки или слоеные пирожки. Кофе, чай и минеральную воду – в гостинице и так предлагали в ассортименте.

А еще Ася готовила обеды в офисах. Она была придиричива к самому помещению кухни и не в каждом офисе согласилась бы работать. Нет, дело было даже не в оснащенности кухни ультрасовременной бытовой техникой. Ася умела готовить на любой плите и даже без плиты, но обязательным условием являлось – отдельное помещение кухни, большой разделочный стол и посудомоечный агрегат. Был в ее практике неприятный опыт, когда столовая и кухня находились в одной большой комнате, посуды было в шесть раз меньше, чем сотрудников, кормить их приходилось как раз в шесть смен – и еще все время мыть посуду у них на глазах. Промаявшись так две недели – Ася твердо от этого места отказалась, и в тот же день нашла другое.

С работой у Аси проблем не было. С едой – тоже. А вот с

любовью все оказалось сложнее.

IV

В качестве эпиграфа:

В этой музыке есть глубина, но нет никакой
сентиментальности.

Эльфрида Элинек

– Конечно, в моей жизни такие мужчины – редкость. Таких мужчин в моей жизни было всего трое.

И глядя на его самодовольную ухмылку – тут же захотелось сбить пафос:

– Ты – второй.

В соседней комнате телевизор орет дурным мужским голосом:

– Я тебя не люблю!

А я начинаю плакать. Мне ужасно жить в мире, где никто никого не любит. Где любовь вычеркнута из списка добродетелей и грехов. Где ценится «легкость», от которой мне так тяжело.

Во главу угла ставится необязательность, которая называется легкостью или свободой.

Из страха *быть* слабым или *казаться* навязчивой.

Будучи в гостях у мужчины, на третий день – сама себя выпихиваю в другие гости, чтобы дать ему отдохнуть от меня. Чтобы иметь возможность вернуться – через день.

А он и не спрашивает – где я сама *отдыхала*.

Бывает еще хлеще. Бывает, что я вынужденно придумываю себе других мужчин – в мельчайших подробностях, чтобы вот этот – единственный мужчина в сегодняшней жизни

– не испугался своей единственности для меня.

А то как же!

Это ведь обязывает.

А так – он может вздохнуть с облегчением – на нем свет клином не сошелся, он по-прежнему свободен, отношения наполнены необязательностью до краев. Избегаем углов, не задаем острых вопросов.

На фразу «я сегодня не приеду» – легко пожимаем плечами – «не очень-то и хотелось».

Только не быть в тягость, не заглядывать в глаза, которые бегают-бегают, как у нашкодившего ребенка. Зачем ставить человека в неловкое положение.

«Боже, как она лежит, ведь мальчику неудобно!»

Делать вид, что все отлично, что – да, я сама именно таких отношений и хочу, что да, чтобы не так унизительно – самой декларировать свободу от обязательств, без обещаний, упреков, неудобных слов.

«Я люблю тебя» – крайне неудобные слова, они требуют ответа. И ты их проглатываешь вместе со спермой – и не произносишь вслух.

А потом телевизор кричит дурным мужским голосом – «я тебя не люблю!»

И ты плачешь, плачешь, потому что никто никого не любит. Потому что это дурной тон.

Главное – ложиться так, чтобы мальчику было удобно.

Яичница. Глазунья. Болтунья. Омлет. Яйца, сваренные вкрутую, всмятку, «в мешочке». Яйца-пашот и яйца-кокот. Флорентийские яйца и яйца-бенедикт. Больше всего на свете из еды я люблю яйца. Куриные, перепелиные, лососевые и даже бараньи. Яйца. Яйца. Яйца.

Как завещал папаша Гиляровский. Пищевые яйца – не Фаберже, их не подделывают. Только я терпеть не могу яйца, переваренные до серости желтка или пережаренные с обеих сторон до глянцевого хруста.

Этот мужчина был похож на овдовевшего льва, который рыщет в саванне в поисках нового прайда. Мы показали ему подходящей семьей. Я и мой Кроха.

*

На широком темно-коричневом подоконнике лишь стеклянная спиртовка, к которой полагается стеклянная же огнеупорная колба. В колбе варится кофе. Кофе и сигареты. Такую жизнь я и живу. Жила.

Остальную плоскость подоконника занимают маленькие прозрачные графины со спиртовыми домашними настойками. Их более трехсот. Точная цифра – 365 – на каждый день года. От легкого разнотравья – киндза, эстрагон, черносмординовый лист; включая острые и пряные перцовки, мож-

жевеловки, хреновухи; а также легкие десертные – ягодные, цитрусовые, медовые; до тяжелых жирных мясистых бальзамов и запеканок на орехах, сухофруктах, стручках ванили и мускатном орехе.

Секретов из своих рецептур я не делаю, но повторить не удавалось еще никому.

Подоконник в моей «студийной» квартире длиннющий, метров 15, и загибается внутренним странным углом типа эркера (взгляд изнутри). Мебели нету вовсе: матрац кокосовой стружки – узкий, плоский и легкий – в углу комнаты и пять разноцветных подушек. Ноутбук на полу, пара пепельниц и дюжина стеклянных бокалов, стопок, рюмок различной емкости и конфигурации – на стеклянной полочке над холодильником, в котором, кстати, всегда-всегда есть полдюжины замороженных лафитников под чистую водку (полдюжины – это достаточное количество для вечеринки на двоих). Саму водку охлаждать совсем не нужно, но вот посуду к ней – обязательно.

Иногда на спиртовке варятся яйца, потом уже – кофе. Кофе льется в стеклянные крохотные чашки. Яйца подаются в рюмках. Стекло. Здесь все прозрачно, но именно это и настораживает редких визитеров. И матового стекла раздвижная шторка душевой кабинки – кажется им мрачнее шкафов со скелетами или темных подвалов.

Мы лежали на полу, не помещаясь на матрасе кокосовой стружки, – и пускали дым в потолок.

– Тебе еще бы крышу стеклянную!

– И шторы со звездами.

Он моргнул, зевнул и уснул, не заметив даже, что я за эти мгновенья исполнила все ритуалы тысячи и двух ночей (одна ночь про запас – а вдруг год високосный), все песни, танцы и сказки – и прочие свистопляски. Исполнила или была готова исполнить – какая разница.

Только что я собрала в себе и хотела отдать ему сразу все, а он уже захрапел, сигареты не потушив. Я осторожно переползла от матраса к ноутбуку, включила его в сеть и в Сеть, и начала сливать в виртуальность то, что спящий мужчина не поспешил у меня взять.

***/**/2008 lina write:*

черная дыра белой ночи.

unmöglich

unmöglich

unmöglich

мягкая гадость немецкого слова липнет ириской гематогенной к зубам.

взвар дефибринированной крови убойного скота плюс сахарный сироп.

*

вдруг поймала наконец-то эту формулировку – прямо за хвост.

я всегда точно знала, что если случай «первого секса» с определенным мужчиной сопровождался некоторой невняtnостью и накладками, когда «немножко не так» – неважно, по чьей вине (важно, что у меня не складывается – с оргазмами – в данном конкретном случае) – это такая примета – к затянувшимся отношениям.

ну и относилась к этому – как к примете.

а надясь – оно вдруг – сформулировалось – почему так. потому что.

когда нет оргазма – это все же немножко обидно. и хочется – попробовать еще. и еще. но ты помнишь, что оргазма нету. и тогда вдруг твои «еще и еще» – они начинают обрастать побочными эффектами, ты вдруг замечаешь, что с человеком приятно не только, но и спать рядом, и дышать в теплое плечо, и целоваться, и завтракать, и разговаривать.

ты замещаешь этот отсутствующий первичный оргазм – человеческими отношениями.

а это затягивает – больше. это затягивает – вглубь. и надолго.

потому что.

когда ты с человеком – вот с этим конкретным человеком в первый раз – и получаешь еще ничем не заслуженный оргазм. это реально – такая – маленькая смерть – la petite mort

– человек остается при этом совершенно чужим.

никакая привязанность – невозможна.

потому что – умерла так умерла. спать, обнявшись, целоваться после, душевные беседы вести – невозможно.

то есть это такая – прекрасная – случайная смерть.

оно повторяться может – но развития не будет. есть логический конец. финал. далее – ничего.

и так – каждый конкретный раз. потому что это – мое и только мое, я не буду делиться – с тем – с кем рядом. отойти, хотя бы отодвинуться, остаться наедине со своей смертью.

влюбиться – уже невозможно. повторять – да. продолжать – нет. если вы понимаете разницу.

*

потому что – влюбляешься в того, с кем «несмотря на».

ну надо же хоть как-то оправдать – такое времяпрепровождение.

значит, влюблена. если не кончаешь – то ведь все равно хорошо, правда?! вот тут и начинаются – слова, заболтанность, муть, глупость. вместо того, чтобы конкретно и молча – начинаются игрища различной затянутости, отягощенные чувствами.

*

самое страшное – это когда уже накрутила себя до любви. а тут – вдруг – бац! – и кончила.

и вот это и есть – самое страшное попадалово. потому что как-то нечестно и не по правилам.

Он говорит:

– Встретимся? Точнее, не говорит, а будто спрашивает.

«Встретимся?» – это такой вопрос. Ну я говорю:

– Да. Нет, я говорю:

– Может быть. Потом добавляю:

– Конечно. И еще:

– Наверное. ...несколько раз говорю... И тут он все ломает, потому что спрашивает:

– Сегодня?

Нет, не спрашивает, «сегодня?» – это не вопрос, это предложение. Утверждение. Его уверенность, что мы можем сегодня.

Я не могу. Я не умею, когда сегодня. Мне и завтра – это неудобно. Нет. Не буду. Да, наверное, может быть, конечно, обязательно. Но не сегодня. Нет. Невозможно/unmöglich. Он все правильно понимает, предлагает:

– Вчера?

Вот. Это прекрасно, мне нравится, мне всегда нравилось встречаться вчера, но мне впервые это предложили.

Он мне рассказывает – как мы встретились вчера, какое вино пили. Я ему охотно верю, что белое вино было прохладным, а красное терпким и солоноватым.

Я вообще верю, потому что вчерашнего дня у меня не было, а у вчерашнего дня не было меня.

Я спала вчера весь день. От полуночи до полуночи. День был красив. Возможно – мне снилось – и первое свидание – и белое вино.

И этот мужчина, который сегодня предложил мне встретиться вчера.

По проволочной зыбкой лестнице – спуститься под мост – и оказаться на зыбком понтоне между двух Шмидтовских мостов.

– Слушай, а почему здесь нет людей, таких же умных, как мы?

– Ты правда считаешь, что это признак ума, то, что мы пьем под мостом?

Между двумя мостами течение быстрое, но хаотичное – водовороты и суета вокруг подпор моста. Вода мечется и светится отраженным золотом фонарей, ни один рисунок не повторяется дважды. Я смотрю в эти золотые всполохи до головокружения. Черное и золотое, мечется.

– Смотри, это круче, чем заставки *windows*! Мужчина терпеливо объясняет:

– Есть многое на свете, друг Гораций...

...

(не слышит он специальных интонаций)

Мост грохочет над нами, гудит и дергается. По мосту идут машины и люди. И ангелы. Мои ангелы – трансвеститы, я смотрю снизу – на их крылья. У некоторых крылья – с колесами.

Мы поднимаемся на мост – стоим на разводной его части. Пьем запретные грузинские вина.

Рядом молодые люди пьют кефир – из одного горлышка. Ангельский невинный благопристойный кефир – в час ночи на мосту.

Мост трясется, дрожит и гудит. Я подозрительно смотрю на мужчину:

– Как ты это делаешь?!

Вино кончается быстрее, чем кефир у трансвеститов. Мы стоим на мосту – по разные стороны от шва. У Сына лейтенанта Шмидта – шов декоративный, не для разводов.

Дяденька-дпс-ник в зеленом «купальнике» просит нас разойтись по своим сторонам, сейчас эта платформа по центру моста – медленно поползет вверх.

Прохожий, сняв ботинки, мечется между двумя дпс-никами. Этот босой прохожий упорно хочет – взмыть в небо – вместе с центральной платформой. На трансвестита не похож – так просто – ангел. В небо хочет.

Дпс-ник требует, чтобы мы определялись – и расходились. Внизу проплывает желтый катер, я ору им:

– Бейте лампочных воров!

Наступает звездный час ночных бомбил – земных и водных:

– Если бы я была в Питере таксистом – я бы работала только один час – между разводом Сына лейтенанта Шмидта и Тучковым. Это как цветочки на 1 сентября и 8 марта.

– Жаль, что ты не таксист.

Он – тоже не таксист, и мы пешком уходим с моста – в другую сторону от Острова. На этой стороне нету проволочной лесенки вниз, и понтона нету. Есть каменная лестница к воде. Лестницу недавно почистили песком. Чиста пляж. Мы сидим на припесоченных ступеньках и пьем следующее вино. И тут над моей головой начинают суетиться крысы. Я визжу визгом и лезу мужчине на голову – с ногами и руками. Китайское платье с алой шелковой вышивкой – расстегивается от такого маневра – от колена до горла. Мужчине нравится реакция платья на крыс.

***/**/2008 lina write:*

влюбляться – вот полностью и целиком – это наверное очень страшно.

мне достаточно влюбляться – какой-то частью.

отлично влюбляться, например

тут все понятно и просто.

хуже влюбляться ртом – исчезает чувство насыщения и умение помалкивать. рот становится неуправляем.

*

самое странное – как я влюбилась последний раз.

позвоночником.

то есть, он вот влюбился – мой позвоночник.

год назад. какой-то совсем посторонний и незнакомый мужчина пригласил меня танцевать.

и я пошла.

было лето, и у меня было платье с открытой спиной.

и мужчина дотрагивался до голой спины – и позвоночник влюбился. у меня было такое ощущение, что из моего позвоночника вынули какой-то гвоздь – он стал влюбленным, гибким и податливым.

больше в тот день ничего интересного не произошло.

*

но четыре месяца – позвоночник не давал мне забыть – и все время требовал, чтобы вот руки этого мужчины – дотрагивались до моей голой спины.

*

через четыре месяца – я устала сопротивляться собственному позвоночнику – и отправилась к тому мужчине домой.

когда мы уже засыпали, я повернулась к мужчине спиной, и он целовал мой позвоночник. два раза.

больше за полгода ничего интересного не произошло.

*

сначала я считала – сколько дней осталось до нашей встречи, точнее, суток. потом их стало так незначительно мало, что я начала считать ночами – вот еще две ночи и вот,

потом счет пошел уже на часы,
но когда и часов не осталось – время разбилось на минуты,
и я считала станции метро, еще три остановки осталось,
потом я считала шаги – до подъезда,
слушала и считала – переливы домофона.
а потом – только и осталось – считать редкие удары сердца,
больше ничего не осталось.

V

В качестве эпиграфа:

Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Тут охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет.
Пиф-паф! – не попал.
Зайчик серый ускакал.

Детская считалочка

– Стоп! Стоп! – майор Коломейчук уже не просто орал, он уже с надрывом орал. – Я вообще ничего не понимаю, вы меня специально хотите запутать.

– Помилуйте, господин майор! – начало было Виктор, но к нему присоединились хором Сергей с Максом, и майор снова ничего не понял, и снова орал, и снова стучал кулаком.

Они рассказали ему все в подробностях. Кто они такие. Как и почему они оказались вчетвером в одной избушке, как они провели три дня – и куда отправились утром четвертого. Что делали, что ели, что пили, о чем говорили. Как они выследили лося, и как Колян отвлекался на заячий след, и как ему один раз даже показалось, что он видит зайца, но

это была собака, и Виктор перехватил у него ружье, которое Колян уже вскинул, прицеливаясь, и что глупо стрелять по зайцу из ружья, оснащенного на другого зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.